

80 лет
Великой
Победы

*Фронтная
поэзия
наших
земляков*

Сквозь шквал боёв прорвавшиеся строки...

Муса Джалиль
(1906 – 1944)

На память другу

Ты ушёл в наряд, и сразу стало
Как-то очень грустно без тебя.
Ну, а ты взгрустнёшь ли так о друге,
Коль наступит очередь моя?

Мы ведь столько пережили вместе,
Связанные дружбой фронтовой!
До конца бы нам не разлучаться,
До конца пройти бы нам с тобой!

А когда вернёмся мы с победой
В наш родимый город – я и ты,
Сколько ждёт нас радости и ласки,
Как нас встретят!.. Эх, мечты, мечты!

Были между жизнью мы и смертью
Столько дней!.. А сколько впереди?!
Станем ли о прошлом вспоминать мы?
Упадём ли с пулею в груди?

Если, послужив своей отчизне,
Вечным сном засну в могиле я,
Загрустишь ли о поэте-друге,
По казанским улицам бродя?

Нам скрепили дружбу кровь и пламя.
Оттого так и крепка она!
Насмерть постоим мы друг за друга,
Если нам разлука суждена.

На своих солдат глядит отчизна,
Как огонь крушат они огнём...
Поклялись мы воинскою клятвой,
Что назад с победою придём.

(Перевод В. Тушиновой)

Фрайтх Карим
(1909 – 1945)

В последний раз гляжу на Волгу...

В последний раз гляжу на Волгу,
На плёсы в тихом камыше...
Вспоминаньем долго-долго
Теперь ей жить в моей душе.

Я, как письмо, перечитаю
Прощальный миг и вспомню всё,
И хлынут волны, вырастая,
И ветер пену понесёт...

Не бейся, сердце, так тревожно!
Как птицы ясною весной,
С фронтов, из дали бездорожной
И мы воротимся домой.

Поволжье на лугах зелёных
Нас встретит радугой дождей,
В затонах самых отдалённых –
Любовной песней лебедей.

(Перевод П. Шубина)

Луна услыхала

Я поздней ночью шёл в разведку,
Как тишина по тишине,
И, через холм переползая,
Сказал с досадою луне:

Зачем ты светишь так, луна?
Тут не гулянье, а война.

Луна, наверно, услыхала
Тот шёпот мой издалика,
А то иначе отчего бы
Она ушла за облака?

(Перевод Я. Смелякова)

Адела Кутцуй
(1903–1945)

Утренние думы

Мне из окопа видно озерко.
Игра лучей становится живее.
Как вдохновенье, солнце высоко!
Я думаю о нём, благоговей.

Как я люблю, весенний Ленинград,
Твоих проспектов гордое сиянье,
Бессмертную красу твоих громад,
Рассветное твоё благоуханье!

Вот я стою, сжимая автомат,
И говорю врагам я в день весенний:
— Вы слышите сирени аромат?
Победа в этом запахе сирени!

Что может сделать самый чёрный враг,
Когда здесь даже ночью мрак неведом?
Как звонок белой ночью каждый шаг!
Не такова ли музыка победы?

Красноармейцы двинулись в поход,
За танками стремятся пушки следом,—
В доспехах боя истина идёт.
Не таково ли торжество победы?

Насытить глаз и сердце не могу,
Хочу я вдосталь дивом насладиться.
Я русскую столицу берегу,
Чтобы жила татарская столица.

(Перевод С. Липкина)

Жаби Даули
(1910–1989)

Кружка воды

Успею ли поведать вам об этом,
Пока ещё часы мои идут?
Я помню скорбь обугленного лета
И лающее «русские, капут!»

Печально колосился хлеб несжатый
На белорусской выжженной земле,
И рано поседевшие солдаты
Брели по окровавленной золе.

Вели нас по деревне друг за дружкой,
Упавших отправляя на покой...
Не позабыть растоптанную кружку,
Протянутую детской рукой.

О страшное беспомощное время,
Оно палач, оно не исцелит,
Глаза закрою – на краю деревни:
И день, и ночь – та девочка стоит.

(Перевод Г. Булатовой)

Сибгайт Хаким
(1911–1986)

Запах пепелища

Как ни смотришь, глаз не сыщет
Под водою берегов.
Пахнет дымом пепелища,
Горьким дымом очагов,

Что остались подо Ржевом,
Под Орлом и под Дугой.
Пахнет стылостью замшелой
Изб с покинутой трубой.

Словно ветры из-под Курска
Донесли ко мне сюда
Горечь запаха и вкуса
Сквозь туманы-холода.

Словно вновь над миром трубы
Оголённые торчат,
И у песни моей губы
Опалённые дрожат.

(Перевод В. Думаевой-Валиевой)

14

Зовут на торжества...

Зовут на торжества то там, то здесь
Нас в города, что мы освобождали.
Гремит «ура!», и здравицы звучат
В сверкающем огнями зале.

Я, крадучись, тихонько выхожу.
В степи, за городом, от вьюги задыхаясь
И надрываясь, в прошлое кричу,
Зову друзей, что здесь навек остались.

И узнаю знакомый звук шагов:
Из вечности, из глубины сугробов
Стекаются погибшие друзья
На голос мой – из блиндажей, окопов,

Из рвов, щелей, траншей – идут, идут,
На полушубках белые халаты,
Заиндевевшие в буранах лет,
Идут мои товарищи-солдаты.

Гремит «ура!», и здравицы звучат.
На всех устах: «Да здравствует победа!»
Сдвигаем кружки. Мёртвых нет в тот час.
Ликует вместе с нами вся планета.

(Перевод В. Думаевой-Валиевой)

Теннадий Наушкин
(1921 – 2007)

Твоя карточка

Мы ночью плыли через Дон,
Хлестал волну свинец,
Свистела смерть со всех сторон, –
И думалось: «Конец!..»

Но вот уж берег недалёк,
И сколько было сил
В последний я вложил рывок
И смерть опередил.

Как жизни рад я был костру,
Продрогший до костей,
И, согреваясь, вспомнил вдруг
О карточке твоей.

Её носил у сердца я,
Куда б ни шёл, – с собой.
И чудо: карточка твоя
Была совсем сухой.

Гляжу – и снова узнаю
Родной овал лица...
Вот так бы ты любовь свою
Хранила до конца.

На Новый 1943 год

В краю отеческом моём
Со смертью рядом жизнь не встала.
Я знаю, снова за столом
Вы соберётесь, как бывало.

Обычных вереница слов
В бокалах поднятых растает,
И стрелка мозерских часов
Свои минуты отсчитает.

Вновь завершён военный год,
Живыми он не даром прожит –
Пусть каждый с чаркою встает
За тех, кто встать уже не может.

Бессмертной поступью солдат,
По вражьему шагая следу, –
Мы встретим громом канонад
Пришедший год, как год победы.

А там, надеждою дыша,
Где Русь слагает нам былины,
Благословляют каждый шаг
Отец и мать родного сына.

Врагу наш гнев не превозмочь,
Наш каждый взмах увековечен.
И нам предскажет эта ночь
Счастливым день, родную встречу.

Николай Заболоцкий
(1903–1958)

В Новогоднюю ночь

Не кривить душою, не сгибаться,
Что ни день – в дороге да в пути...
Как ни кинь, а надобно признаться:
Жизнь прожить – не поле перейти.

Наши окна снегом залепило,
Еле светит лампы полукруг.
Ты о чём сегодня загрустила,
Ты о чём задумалась, мой друг?

Вспомни, как, бывало, в Ленинграде
С маленьким ребёнком на груди
Ты спешила, бедствуя в блокаде,
Сквозь огонь, что рвался впереди.

Смертную испытывая муку,
Сын стремглав бежал перед тобой.
Но взяла ты мальчика за руку,
И пошли вы рядом за толпой.

О великой памяти чести,
Ты сказала, любящая мать:
– Умирать, мой милый, надо вместе,
Если неизбежно умирать.

Или помнишь – в страшный день бомбёжки,
Проводив в убежище детей,
Ты несла еды последней крошки
Для соседки немощной своей.

Гордая огромная старуха,
Страшная, как высохший скелет,
Воплощеньем огненного духа
Для тебя была на склоне лет.

И с тех пор во всех тревогах жизни
Весела, спокойна и ровна,
Чем могла, служила ты отчизне,
Чтоб в беде не сгнула она.

Сколько вас, прекрасных русских женщин,
Отдавало жизнь за Ленинград!
Облик ваш веками нам завещан,
Но теперь украшен он стократ.

Если б солнца не было на небе,
Вы бы солнцем стали для людей,
Чтобы, век не думая о хлебе,
Зажигать нас верою своей!

Как давно всё это пережито...
Новый год стучится у крыльца.
Пусть войдёт он, дверь у нас открыта,
Пусть войдёт и длится без конца.

Только б нам не потерять друг друга,
Только б нам не ослабеть в пути...
С Новым годом, милая подруга!
Жизнь прожить – не поле перейти.

Вероника Мушнова
(1911 – 1965)

Мы час назад не думали о смерти...

Мы час назад не думали о смерти.
Мы только что узнали: он убит.
В измятом, наспех порванном конверте
на стуле извещение лежит.
Мы плакали. Потом молчали обе.
Хлестало в стёкла дождиком косым...
По-взрослому нахмурив круглый лобик,
притих её четырёхлетний сын.
Потом стемнело. И внезапно, круто,
ракетами врезаясь в вышину,
волна артиллерийского салюта
тяжёлую качнула тишину.
Мне показалось, будет очень трудно
сквозь эту боль и слёзы видеть ей
цветенье жёлтых, красных, изумрудных
над городом ликующих огней.
Но только я хотела синей шторой
закрыть огни и море светлых крыш,
мне женщина промолвила с укором:
«Зачем? Пускай любитесь малыш».
И, помолчав, добавила устало,
почти уйдя в густеющую тьму:
«...Мне это всё ещё дороже стало –
ведь это будто памятник ему».

Спокойный вечер пасмурен и мглист...

Спокойный вечер пасмурен и мглист.
Не слышно птиц среди древесных кружев.
Пустынна улица. Последний ржавый лист
в морозном воздухе легчайший ветер кружит.
Любимая осенняя пора.
На облаках – сиреневые блики,
на светлых лужицах каёмка серебра,
и над землёй – покой, безмерный и великий.
Как лживо всё: и эта тишина,
и мягкий полог облачных волокон...
Как пристально в глаза людей война
глядит пустыми впадинами окон.

Елена Вертомова
(1908 – 1989)

* * *

Всё это называется – блокада.
И детский плач в разломанном гнезде...
Детей не надо в городе, не надо,
Ведь родина согреет их везде.

Детей не надо в городе военном,
Боец не должен сберегать паёк,
Нести домой. Не смеет неизменно
Его преследовать ребячий голосок.

И в свисте пуль, и в завыванье бомбы
Нельзя нам слышать детских ножек бег.
Бомбоубежищ катакомбы
Не детям бы напоминать навек.

Они вернутся в дом. Их страх не нужен.
Мы защитим, мы сбережём их дом.
Мать будет матерью. И муж вернется мужем.
И дети будут здесь. Но не сейчас. Потом.

* * *

Всё будет, всё. И город без зениток,
И ленинградцы вновь забудут о луне.
Зажжётся свет в твоём окне открытом,
И уезжать не нужно будет мне.

Но только здесь, в укрытье, у орудий,
Военный ветер мне покой несёт.
И только здесь, вздыхая всею грудью,
Я понимаю: будет, будет всё!

Нелли Шук
(р. 1941)

* * *

День в осаждённом Ленинграде –
Сто восемьдесят третий день войны.
Обычный день, налёты и бомбёжки,
И долго, очень долго до весны.
И нет воды, и хлеба нет ни крошки:
Упал прохожий около стены
От слабости и от изнеможенья.
Сто восемьдесят третий день войны –
Мой первый день,
Мой горький день рожденья.

* * *

Давно сроднились с мамой и со мной
Сквозь шквал боёв прорвавшиеся вести.
Как много судеб скошено войной.
Давайте горевать об этом вместе.

Я помню строки писем наизусть.
Влекут меня их праведные души.
И всё сильнее сиротства давит грусть,
А радости нечастые всё глуше.

Я вновь читаю, как он ждал весну,
Как свято верил в скорую победу,
Он так мечтал увидеть вновь жену,
Прижать к груди дочурку-непоседу.

Писал жене: «Немного потерпи.
Придёт с весной желанная победа».
А сам упал в заснеженной степи
И радость встречи так и не изведal.

Седает жизнь. И год сменяет год.
Грустит трава на воинских могилах.
И только память жить не устаёт,
И время погасить её не в силах.

